

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ АРМЕНИИ И ВИЗАНТИИ

Доктор историч. наук А. Л. ЯКОБСОН (Ленинград)

Формирование средневекового армянского зодчества — процесс сложный и отнюдь не односторонний, он не был и автохтонным, ибо культура Армении не могла развиваться изолированно от соседних стран — ни от Сирии, откуда пришло в Армению христианство, ни от еще более близкой Грузии, с которой она долгое время находилась в церковном союзе. Этим вопросам посвящены две наши работы¹. Остается дополнить их третьей — рассмотреть архитектурно-художественные взаимоотношения с Византией, с которой Армения длительное время находилась в тесных контактах, точнее — с теми областями юго-восточной Европы, которые образовали ядро Византийской империи и прежде всего с константинопольской архитектурной школой. Это тем более необходимо сделать, что до сих пор в западноевропейской науке армянское раннесредневековое зодчество трактуется лишь как ветвь византийской архитектуры, ее особая и своеобразная провинция. Таковы, например, обобщающие труды Р. Краутхеймера и А. Хачатряна (в Энциклопедии византийского искусства)².

Такая трактовка армянского средневекового зодчества стала своего рода традицией, возникшей, впрочем, еще в XIX в.³ Мало того, есть исследователи (притом видные исследователи) византийской архитектуры, которые объявляют Звартноц — великое творение армянского зодчества — «заимствованием», «подражанием», «не самобытным и провинциальным» и даже «грубой и варварски напыщенной передачей» (*Übersetzungen*) византийской архитектуры VI в.⁴ Надо сказать, что еще Т. Тораманян неоднократно, хотя и попутно, подчеркивал различие

¹ А. Л. Якобсон, Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества. «Советская археология», 1970, № 4, стр. 41—53; его же, Армения и Сирия, архитектурные сопоставления (в печати: ВВ, 36).

² R. Krauthheimer, *Early christian and byzantine Architecture*, London, 1965, стр. 228—235; А. Khatchatrian, *Armenien. Reallexikon zur byzantinischen Kunst*, Lieferung 2—3, 1965, стр. 306—335.

³ Еще М. Броссе видел в армянской архитектуре — как в собственно архитектурных ее формах, так и в декоре — «признаки сильно византийские» (M. Brosset, *Les ruines d'Ani*. S.-Petersbourg, 1860, стр. VII).

⁴ H. Sedlmayer, *Das erste mittelalterliche Architektur system*. In: *Kunstwissenschaftliche Forschungen*, II, Berlin, 1933, стр. 50, 57—58, 59 (имеется русск. перевод в сб. «История архитектуры в избранных отрывках», М., 1935, стр. 186, 194, 196).

армянской и византийской архитектуры⁵. Во «Всеобщей истории архитектуры» (т. 3, 1966) армянское зодчество так же, как и грузинское, рассматривается отдельно от византийского в особых разделах.

Существует и диаметрально противоположная тенденция, отчетливо выраженная И. Стржиговским, для которого Армения—это один из центров, откуда вышла чуть ли не вся восточнохристианская, а отчасти и западноевропейская архитектура. В раннесредневековом христианском зодчестве Армении, складывавшемся, по его убеждению, в тесной зависимости от архитектуры языческого Ирана, он видел источник основных композиционных решений в зодчестве Византии, включая Софию Константинопольскую⁶.

Более прогрессивным взглядом отмечены работы некоторых итальянских историков архитектуры последнего времени, четко расчленяющих армянское и собственно византийское зодчество⁷. Все же господствующей в западноевропейской науке остается трактовка армянской средневековой архитектуры как части византийской.

Такой взгляд нам представляется односторонним и глубоко неверным. Нам кажется, что следует внимательнее присмотреться к специфическим особенностям зодчества Армении сравнительно с зодчеством Византии и прежде всего в раннесредневековый период (V—VII вв.). Этой проблеме мы и посвящаем нижеследующие страницы, хотя и в очень кратком изложении.

Конечно, рассматривать раннее средневековье как единый период нельзя, ибо на протяжении V—VII столетий зодчество Византии, как и всего христианского Востока, в том числе и Армении, прошло несколько этапов развития. Наиболее ранний из них — период V в. — характеризуется, как известно, господством базилики как основной формы культового здания. Так было на Балканах—в Константинополе, Греции, Западном Причерноморье (Болгарии) и западных районах Малой Азии, т. е. там, где архитектуру определяла византийская столица, так было и на христианском Востоке—в восточной части Малой Азии, Сирии, Палестине; так было и в Армении и Грузии. Но общим был лишь сам принцип базилики, унаследованный от античности. Воплощение же этого архитектурного принципа в Византии и на Востоке, особенно в Армении и Грузии, было совершенно различно.

Различия эти имели несколько аспектов. Первый из них—это различные соотношения внутренних объемов. В обычных для Византии и связанных с ней архитектурах трехнефные базилики эллинистического типа разделялись на нефы сравнительно тонкими, но зато часто по-

⁵ Բ. Քրիշտիանյան, *Նյութեր հայ ճարտարապետության պատմության, հատ. 1, Երևան, 1942*, стр. 48, 73.

⁶ Этой концепцией пронизана вся двухтомная монография И. Стржиговского: J. Strzygowski, *Die Baukunst der Armenier und Europa*, 2 тома, Wien, 1918.

⁷ S. Bertini, *L'Architettura Bizantina*, Firenze, 1937, стр. 32—37; G. Frasson, *L'Architettura Armena e Quella Bizantina*, Roma, 1939; F. De Maffei, P. Cuneo, *Architettura medievale Armena*, Roma, 1968, стр. 11—33, 47—54.

ставленными колоннами, которые резко отграничивали центральный неф от боковых, к тому же пониженных и слабо освещенных; тем самым ряды колонн довольно резко расчленяли базилику на три различных по значению объема и, таким образом, в сущности, изолировали массы молящихся, находившихся в среднем нефе, от стоявших в боковых.

Эту расчлененность стремились ослабить зодчие Малой Азии, в восточных областях которой (в Бинбиркилисе, в Ликаонии) уже в V в. появились сводчатые базилики. Замена деревянного стропильного перекрытия сводчатым потребовала замены колонн массивными столбами, но зато их стало меньше, что усилило связь среднего нефа с боковыми. Еще сильнее эта тенденция максимально связать и объединить пространство всех трех нефов проявилась в некоторых базиликах Сирии (например, Рувейна, Кальб-Лозе), хотя эллинистический тип базилики с тесными рядами колонн и там продолжал доминировать на протяжении всего раннего средневековья.

Иное дело — в Армении: ее монументальные базилики уже в V в. начали перекрываться цилиндрическими каменными сводами⁸. Это, в свою очередь, позволило значительно увеличить интервалы между устоями и тем самым сделать значительный шаг вперед к объединению внутреннего пространства храмов. Таковы Ереруйская и Текорская базилики⁹. Благодаря этому культовое действо (литургия), совершавшееся перед алтарем, можно было видеть не только из среднего, но и из боковых нефов: храм стал как бы вместительнее, его архитектура — доступнее. Объединение внутреннего пространства — это та основная архитектурно-художественная тенденция, устремление, которое проходит красной нитью через всю историю армянского средневекового зодчества. Впервые эти тенденции ясно проявились в базиликах V в.

Таков первый аспект принципиального отличия внутренней композиции армянской и византийской архитектуры.

Другой аспект существенных и принципиальных различий — это наружные формы зданий, трактовка их архитектурных фасадов. В византийском зодчестве они играют, в сущности говоря, пассивную роль, ибо фасад там — это не более чем оболочка внутренних архитектурных объемов, объемов развитых и динамичных; но сама оболочка весьма

⁸ Правда, некоторые раннесредневековые базилики Армении в первоначальном виде имели, вероятно, также деревянное стропильное перекрытие (таковы базилики в Аштараке и Цицернакаванке), но вскоре, может быть в V, но не позднее VI в., их перекрыли сводами, в связи с чем изменили расстановку внутренних устоев (см.: И. Ушхербиджан, *Քաղաքի քաղաքացի ճարտարապետությունը, Երևան*, 1955, стр. 254 и рис. 81, 82, 84).

⁹ В настоящей статье речь идет об общезвестных памятниках, поэтому мы не даем библиографических ссылок. Ограничимся лишь некоторыми указаниями. Для армянской архитектуры см.: В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян, *Памятники армянского зодчества*, М., 1951; Н. М. Токарский, *Архитектура Армении IV—XIV вв.*, Ереван, 1961. Для византийского зодчества см. очень содержательный очерк Н. И. Брунова во «Всеобщей истории архитектуры», т. 3, 1966 (в дальнейшем — ВИА, 3). В указанных работах даны достаточно полные библиографические справки.

скромна. Первоначально (в IV—V вв.) фасад византийского храма — это инертная сплошная плоскость, без декора, оживленная лишь кладкой в виде чередования стоев кирпича и камня. Таковы фасады базилик V в. — Студийского монастыря 463 г. в Константинополе или базилики в Месемврии (так называемая Старая Метрополия в Несебре, в Болгарии). Византийские фасады претерпевают изменения в VI в.: стены, в соответствии с новой архитектурной системой того времени, стали расчленять более или менее глубокими впадинами между основными конструктивными элементами — между включенными в стены столбами, выступающими из стены в виде пилястр (лопаток); стены, также лишенные декора, трактуются как тонкое заполнение между этими устоями, выделяющее, таким образом, конструктивный каркас здания, иначе говоря, являются элементами второстепенными. Но такой фасад не всегда выразителен, ибо далеко не всегда передает внутреннюю композицию. Византийские зодчие и в V в. и в последующее столетие, при новой архитектурной системе, словно пренебрегали фасадом и не придавали ему большого значения. Храм был рассчитан на созерцание внутри — созерцание его богатого внутреннего содержания. Черта эта, особенно типичная для византийской центральнокупольной архитектуры VI в., весьма наглядно выражена в таких храмах византийской столицы, как купольная базилика Ирины и храм Сергия и Вакха, а также в храме Виталия в Равенне.

Иную картину дает армянское раннесредневековое зодчество. В нем, как и в сирийском и грузинском зодчестве, фасады и вообще весь экстерьер храма выполняли роль весьма активную. Архитектурные фасады служили не только оболочкой внутренних объемов, но и заключали в себе самостоятельную ценность: они несли, так сказать, собственную художественную нагрузку. Фасад армянского храма V—VII вв. имел сложную архитектурную организацию и структуру: он представлял собой сочетание четких и строгих, словно чеканных геометрических объемов — башнеобразных выступов, порталов, портиков, галерей вдоль длинных и короткой сторон храма, группирующихся относительно его основного ядра — базиличной залы и образующих вместе с ней одно сложное и вместе с тем слитное и гармоничное целое. Но сами фасады оставались аскетически строгими и лаконичными, их украшали лишь проемы входов и окон, очень ритмично размещенных поодиночке или группами и нередко подчеркнутых широкими наличниками. Строгий и сложный ритм оконных проемов также обогащал фасады. Таковы Ереванская и Текорская базилики. Зодчие Армении той поры, конечно, не могли не испытывать большой пиетет к монументальной архитектуре Сирии, откуда распространялись в Армению христианство и образованность. Армянские зодчие, несомненно, хорошо знали сирийскую архитектуру, но в сравнении с ней Ереванская и Текорская базилики, что столь же несомненно, ушли далеко вперед. А рядом с византийской архитектурой того времени обе базилики выглядят резким контрастом.

Монументальности и величественности армянских храмов всего раннего средневековья способствовала и кладка (именно кладка, а не облицовка) из гладкотесаных и плотно подогнанных друг к другу квадров, создававшая ощущение монолитности фасада в противоположность кирпичной или смешанной (кирпично-каменной) кладке византийских храмов. В VI и особенно в VII столетиях в армянской купольной архитектуре экстерьер стал еще насыщеннее; на фасадах появился новый элемент — треугольные ниши, врезанные в стены и четко расчленяющие и дифференцирующие их, еще более обогащая ритм и звучание фасадов. Ранневизантийское зодчество не знало этих особенностей: в основе любой византийской и армянской базилик лежат, как видим, разные архитектурные концепции.

Наконец, третий аспект различий раннесредневековых архитектур Армении и Византии — это различия в сфере собственно композиции в целом и отдельных соответствующих ее элементов. О некоторых из них, ставших характерными для раннеармянской архитектуры и чуждых ранневизантийской, мы уже говорили: это башнеобразные выступы, фланкирующие вход и образующие перед ним глубокую нишу, портики под щипцом, служащие порталами, галереи вдоль фасадов храмов. Этих элементов не знало ранневизантийское зодчество. Наоборот, архитектура доарабской Армении не знала атриума, не редкого в ранневизантийском зодчестве. Характерно и различие в форме алтаря. В византийской архитектуре он почти всегда выступает вперед в виде полукружия (снаружи нередко трех- или пятигранного); в Армении, наоборот, алтарное полукружие большей частью, как и в Сирии, скрыто в толще стены. Это, несомненно, усиливает монолитность восточного фасада и способствует объединению его с остальными фасадами храма. Может быть, такое стремление и породило встроенную апсиду? Конечно, суть дела не в этих отдельных формах. Но они были органически присущи раннеармянским храмам и потому воспринимаются как важный элемент общей картины — картины коренных отличий раннеармянской и ранневизантийской архитектур, ясно определившихся уже тогда, в V в.

Но V столетие в развитии монументального армянского зодчества (именно об этом времени преимущественно и шла речь выше) заключало в себе только первые этапы процесса. Чем дальше, тем расхождения между армянской и византийской архитектурами становились все глубже и сильнее.

Общим для Армении и Византии являлся лишь отход от базилики, как основной идейной и композиционной основы, и разработка здесь и там различных вариантов центраalkупольной и центрической архитектурной системы. Но и в собственно Византии, и в Армении эти архитектурные концепции получили, как известно, совершенно различное композиционное воплощение.

VI столетие было для армянских зодчих временем интенсивных поисков новых форм, новых композиционных решений. Поиски эти были, как известно, весьма плодотворны. Максимальное объединение вну-

тренного пространства под широким куполом стало ведущим архитектурным принципом.

Напомним некоторые памятники, могущие обозначить вехи этого полнокровного развития.

Уже к концу VI в. была выработана своеобразная, известная лишь в Армении композиция огромного кубического здания с выступающими гранными экседрами, перекрытого широким куполом, в значительной мере объединившим внутреннее пространство храма. Таков храм в Мастаре; немного позднее, в 624—631 гг., эта композиция получила дальнейшую разработку в храме Багараца, где купол поддерживают четыре столба; они соединены со смежными стенами арками и выделяют угловые помещения, которые осложняют внутреннее пространство и придают ему крестовокупольность.

К концу VI же столетия сложилась и другая композиция, в основе которой был положен тетраконх с промежуточными трехчетвертными нишами и также увенчанный куполом на трюпах (имеется в виду храм в Аване 591—602 гг.). Армянские зодчие и дальше продолжали разрабатывать эту композицию и в начале VII в. создали произведение еще более зрелое и совершенное — храм Рипсиме (618 г.).

Не менее замечательна и своеобразна присущая только Армении композиция купольной залы, представленная на редкость законченным по формам и пропорциям храмом в Птгни (начало VII в.) и храмом в Аруче (668 г.). К началу же VII в. сложилась и величественная композиция громадной купольной базилики с боковыми экседрами; их широкий круглый купол поставлен на четыре массивные устоя. Таковы храмы в Двине (608—628 гг.) и Талине (вторая половина VII в.).

Разнообразна и столь же глубоко своеобразна серия центрических архитектурных решений, в основе которых лежит античная по происхождению концепция купольной ротонды, окруженной экседрами. Таковы круглые (верней, многогранные) храмы с восемью экседрами, снаружи выделенными глубоко врезанными острыми нишами—близ с. Егвард (662—685 гг.) и в с. Иринд (вторая половина VII в.). Наконец, с исключительной яркостью и силой этот принцип округлого архитектурного объема с тетраконхом в основе был воплощен в гениальном создании армянского раннесредневекового зодчества—храме Звартноц (641—662 гг.).

VI век и в Византии был временем подъема и расцвета архитектурного творчества, подарившего миру такое великое творение, как София в Константинополе. Византийское зодчество V—VII вв. прошло, можно сказать, те же ступени развития, что и армянское. Сначала—в V в., а в провинции и весь VI в.— господствовала эллинистическая трехнефная базилика со стропильным перекрытием, затем, уже в VI в., основным архитектурным типом стала купольная базилика. Таковы храм Ирины 532 г. в Константинополе и более сложная пятикупольная композиция храма Апостолов там же. Параллельно формировалась центрическая монументальная архитектура, блестящим произведением

которой является предшественник Софии—столичный придворный храм Сергия и Вакха (527 г.). Процесс развития завершила гигантская София Константинопольская, воплотившая все достижения позднеантичного и раннесредневекового византийского зодчества.

Но это была архитектура, далекая от армянской. Далекой была не только простая трехнефная базилика V—VI вв. с двумя рядами колонн, резко членившими пространство на три продольные части, в противоположность армянским базиликам, где эту разобщенность с самого начала стремились преодолеть (об этом уже говорилось выше). Столь же далекими от армянских были и византийские купольные базилики VI в. В столичной базилике Ирины с ее несколько тяжелыми массами боковые нефы были также отделены короткими отрезками стен, а между ними—плотными рядами колонн, изолировавшими эти нефы и выявлявшими центральное пространство храма под широким куполом. Наружный фасад базилики, как уже говорилось, не был разработан, что вообще характерно для ранневизантийской архитектуры. Такова и другая большая византийская купольная базилика VI в.—Марии в Эфесе с ее массивными устоями, также изолировавшими боковые нефы (см., напр., ВИА, 3, стр. 55—56 и 68). Эти храмы контрастируют с армянскими современниками.

Еще резче контраст со сложной композицией столичного же храма Апостолов (в реконструкции Г. Сотериу) и его аналога—храма Иоанна в Эфесе VI в. (ВИА, 3, стр. 57—58). Оба храма представляли собой огромный крестообразный массив, вмещавший ряды кубических объемов, перекрытых куполами, с галереями-обходами, обрамлявшими внутри все здание. Это было своеобразным сочетанием крестообразно расположенных и композиционно объединенных четырех купольных базилик. И здесь боковые нефы не только не слиты с центральным пространством, но, наоборот, часто расставленные устои резко расчленяли внутреннее пространство, отделяя подкупольные объемы от обрамляющих их галерей-обходов. Архитектурная мысль византийского зодчего—строителя купольных базилик и армянского—создателя храмов в Птгни и Аруче шла, как видим, в совершенно различных направлениях.

Столь же отчетливо это ощущается и в византийской центрической архитектуре, представленной прежде всего упомянутым храмом Сергия и Вакха в Константинополе. Это восьмигранник, вписанный в квадрат, с четырьмя ажурными экседрами в углах, чередующимися с глубокими прямоугольными нишами; те и другие обращены к относительно широкому подкупольному пространству и окружены узкой галереей-обходом. Позднее в Равенне был построен (окончен в 547 г.) храм Виталия—осложненный вариант той же композиции в виде восьмигранного массива с восемью экседрами, также обращенными к куполу на восьмигранном барабане и с такой же обходной галереей (см. ВИА, 3, стр. 35 и 74—75). От армянских центрических композиций их отличала не только та же, что и в базиликах, расчлененность, но и живописность внутреннего про-

странства, чуждая раннесредневековой архитектуре Армении с ее четкими и строгими объемами.

Все эти центрические композиции разрабатывались — как в Армении, так и в Византии — на основе позднеантичного наследия, а именно на основе купольной ротонды римского времени с прямоугольными или полукруглыми нишами-экседрами (такие ротонды обычно предназначались для мавзолеев: таковы Пантеон в Риме, ротонда при Porta Maggiore в Риме, так называемая «Минерва Медика» и др.).

В свою очередь эта архитектурная идея восходит к восточным источникам, но пути, которыми шла разработка этого наследия — в Армении и в Византии — были совершенно различны¹⁰. На почве Сирии этот процесс уже в начале VI в. привел к созданию развитой композиции широкого круглого или восьмиугольного пространства, окруженного экседрами. Выдающимся памятником такой архитектурной концепции является собор в Босре (512 г.) в виде огромного круглого пространства, заключенного в прямоугольник с тетраконхом в центре, образованным колоннами; тетраконх этот, возможно, был перекрыт деревянным куполом и окружен широким обходом-галереей, куда, кроме того, были обращены угловые экседры. Все эти различные пространственные ячейки создавали внутри сложную конфигурацию с неожиданным сочетанием различных объемов, порождавших динамичность и живописность интерьера. Отсюда прямая линия развития вела к византийским храмам Сергия и Вакха и завершена была Софией Константинопольской.

В Армении зодчие исходили, в сущности, из той же архитектурной идеи, хотя и весьма опосредствованно, но плоды развития оказались совершенно иными. В этом убеждают храмы Зоравар и Иринд, самой сокровенной чертой которых является полная объединенность внутреннего пространства, его единство и целостность, ничем не нарушаемая, а снаружи эта внутренняя структура получила абсолютно ясное и полное выражение, что так характерно для средневекового зодчества Армении вообще.

Эту линию развития завершили творцы храма Звартноц (641—662 гг.). Используя сирийский принцип перистиля в применении к системе тетраконха, армянские зодчие намного усовершенствовали эту архитектуру: они заменили деревянные перекрытия каменными сводчатыми, увенчали все здание каменным куполом и создали гигантскую по тому времени композицию со сложным ритмом устремленных вверх масс и соответствующей этому ритму градацией света. Правда, в Звартноце была сохранена обходная круговая галерея, необходимая в системе пирамидального построения громадного здания, но здесь она была дана, сравнительно с Босрой, в совершенно ином архитектурном контексте. Таким образом, на основе архитектурной концепции, представленной в Босре, в Армении была создана новая композиция, намного

¹⁰ Ср.: O. M. Dalton, *East christian Art.*, Oxford, 1925, стр. 99.

шагнувшая вперед: Босра с ее деревянными покрытиями и другие подобные храмы греческого Востока остались далеко позади.

А в Византии развитие на той же основе привело к иным, хотя не менее блестящим результатам: имеется в виду знаменитая София в Константинополе. Но сколь различны Звартноц и София! Общим остался лишь гигантский купол, относительно которого группируются все массы и объемы.

Можно, конечно, возразить, что эти архитектурные произведения не сравнимы, что они разновелики, разномасштабны. Но нам кажется, что сравнение это вполне закономерно, ибо тот этап, который был воплощен в Софии Константинопольской в Византии, вполне соответствует тому историко-художественному этапу, который воплощен в Звартноце в Армении. Архитектурно эти произведения, действительно, разные, но тем более очевидно, что раннесредневековую архитектуру Армении нельзя втискивать в рамки архитектуры византийской.

Звартноц — это строго центрическое здание; в Софии еще ясно ощущаются элементы купольной базилики. В Звартноце внутреннее пространство было почти целиком объединено под куполом; в Софии активную роль выполняют вместительные боковые части, широко открытые в центральное подкупольное пространство. В Звартноце безраздельно господствовала вертикальная ориентация масс; в Софии также доминирует вертикаль, но с ней соревнуется продольная (горизонтальная) ось, ибо храм имеет определенную базиликальную протяженность.

Сравнение можно продолжить, ибо и тот и другой храм бесконечно богаты своим архитектурным содержанием, но достаточно и сказанного, чтобы показать, насколько велика принципиальная разница между этими двумя коринфскими средневековой архитектуры. Это были настолько же разные архитектурные творения, насколько вообще были различны армянская и византийская архитектуры раннего средневековья: ни одна из разработанных в Армении композиций не находит себе мало-мальски близких параллелей в Византии, точно так же, как ни одной из названных композиций в Византии (все важнейшие вошли в наше поле зрения) мы не находим соответствия в Армении. Не только в V, но и в VI—VII столетиях это были разные архитектуры. Точки соприкосновения их находятся только в общих источниках, которые, однако, в каждой из них были поняты и трактованы вполне своеобразно и получили поэтому столь различное композиционное воплощение.

Мы вправе заключить, что зодчество Армении V—VI вв. не вмещается в рамки раннесредневековой архитектуры Византии. Конечно, между той и другой не было пропасти: их сближало само христианство, культу которого были посвящены храмы. Но это была слишком общая основа, чтобы полностью определить архитектурное развитие в его конкретных проявлениях, тем более, что уже в VI в. появилась и церковная разобщенность Армении и Византии (антихалкедонистское течение в Армении, закончившееся церковным разрывом), что также, несомненно, отражалось на творческих устремлениях армянских зодчих.

Все сказанное показывает, насколько неправомерно включать ранне-средневековую архитектуру Армении (тем более архитектуру последующего времени) в историю архитектуры Византии и рассматривать Армению, как это до сих пор делается, в качестве архитектурно-художественной провинции Византии.

Вышеизложенное не претендует, разумеется, на какое-либо открытие: оно лишь суммирует и сопоставляет известные факты с целью определить подлинное соотношение двух великих архитектур раннего средневековья. В этом соотношении раннеармянскому зодчеству принадлежит свое определенное место, независимое от византийского.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՈՒ ԲՅՈՒՋԱՆԴԻԱՅԻ ՎԱՂ ՄԻՋՆԱԳԱՐՅԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԱՌՆՉՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Պատմ. գիտ. դոկտոր Ա. Լ. ՅԱԿՈԲՍՈՆ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ո լ մ)

Հայ միջնադարյան ճարտարապետության կազմավորման պրոցեսը անցել է բարդ մի ուղի, մշակութային սերտ կապեր են հաստատված եղել Հայաստանի ու հարևան երկրների միջև: Չի կարելի ընդունել արևմտանվորական մի շարք հետազոտողների կարծիքը այն մասին, որ հայկական միջնադարյան ճարտարապետական մշակույթը ոչ այլ ինչ էր, քան բյուզանդական ճարտարապետության մի տարբերակը, նրա արևելյան դպրոցներից մեկը կամ բյուզանդական մշակույթի գավառական դրսևորման արգասիք: Միևնույն կրոնի՝ քրիստոնեության հիման վրա առաջացած մի շարք ընդհանրությունները և կոմպոզիցիոն ձևերի նման գծերը բնավ էլ չէին որոշում Հայաստանի ու Բյուզանդիայի ճարտարապետական արվեստի ընդհանուր դեմքը: Հոգվածում կոնկրետ փաստերի հիման վրա ցույց են տրվում բյուզանդական և հայկական վաղ միջնադարյան (V—VII դդ.) ճարտարապետական մշակույթների միջև եղած սկզբունքային տարբերությունները, ճարտարապետական տիպերի զարգացման տարբեր ուղիները: